

В диссертационный совет 24.2.379.07,
созданный на базе федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева»

г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Голенко Дианы Викторовны на тему «Концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки

Диссертация Д.В. Голенко является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена перспективная в теоретическом и значимая в прикладном отношении задача – разработаны основные элементы доктринальной концепции построения Особенной части российского уголовного закона.

Актуальность темы диссертационного исследования своим основанием восходит к сложным и однозначно нерешенным проблемам современной российской уголовно-правовой политики, которая характеризуется противоречивым поиском баланса в самых разных областях уголовно-политической практики: между одновременно конкурирующими и дополняющими моделями понимания уголовного права – как исключительно охранительной, субсидиарной отрасли права и как ординарной отрасли прямого управляющего воздействия на систему общественных отношений; между преимуществами жесткого разделения властей с возложением на судебную власть исключительно функций применения уголовного закона и выгодами от широкого судебного усмотрения и судебного правотворчества; между жесткостью уголовной репрессии в отношении строго ограниченного,

Входящий № 406-6559
Дата 18 СЕН 2024
Самарский университет

минимального круга реально вредоносных деяний и широким уголовно-правовым воздействием на самые разнообразные формы даже минимального отклонения от социальных стандартов и т.д.

Такие противоречия и их преодоление есть вполне естественный и закономерный путь развития уголовной политики и уголовного права. Потому сами по себе они не заслуживают ни осуждения, ни критической оценки. Гораздо важнее то, как эти противоречия разрешаются, на какой теоретической, нормативной, политической основе происходит выбор любого из возможных уголовно-политических и уголовно-правовых решений, как выбор в одной области реализации уголовной политики согласуется с выбором в иных сферах, как он учитывает возможные последствия и минимизирует самые негативные сценарии их развития и т.д.

Обоснованность и последовательность выбора придает уголовной политике жизненно необходимое ей качество стабильности, прогнозируемости и, как следствие, эффективности. Между тем, именно этого сегодня и недостает отечественной практике уголовно-правового противодействия преступлениям, защиты интересов личности, общества и государства от наиболее опасных и противоправных деяний.

В таких условиях (осложняемых отсутствием официально утвержденной концепции уголовной политики) многие (хотя, разумеется, и не все) вопросы могла бы разрешить (или помочь с их разрешением) юридическая наука. Так или иначе, осознанно или неосознанно, но к ней обращены взоры многих представителей депутатского корпуса и правоприменительной практики, которые в ней пытаются усмотреть более или менее надежную основу для формирования и реализации уголовно-политического курса.

Однако проблема состоит в том, что сама наука, в свое время демонстративно проигнорированная властью и сохраняющая дистанцированность от ее стратегических решений, обиженно увлеченная решением частных проблем уголовно-правовой оценки отдельных деяний, не

спешит откликаться на острые потребности общественно-политической жизни. Не исключаю, что здесь сказывается также профессиональное неприятие доктриной многих (если не всех) состоявшихся уголовно-правовых решений и нежелание ни оправдывать их под угрозой потери собственного авторитета, ни жестко критиковать и отвергать в силу инстинкта самосохранения. Однако изоляция и самоизоляция доктрины от решения острых уголовно-политических проблем не могут длиться бесконечно, ибо губительно сказываются как на самой науке, так и на уголовно-политической практике. Полагаю, что давно настал момент для ответственного и взаимоуважительного диалога науки и практики, при котором сохраняя «высокие идеалы» и «чистую правовую материю», уголовно-правовая доктрина будет откликаться на потребности государства в решении задач обеспечения безопасности и правопорядка, а государственная власть – как минимум прислушиваться к «критическому разуму» и не предпринимать решений, откровенно расходящихся с самими основами научного обеспечения законотворческой и правоприменительной деятельности.

От науки, в первую очередь, ожидается модернизация имеющихся или разработка новых концепций построения, применения и систематизации уголовно-правовых норм, отражающих современное понимание роли и значения уголовного закона в обществе. Первые и впечатляющие шаги в этом направлении уже сделаны (вспомним неисчерпывающим образом докторские диссертации А.В. Иванчина, А.М. Герасимова, М.А. Простосердова, В.М. Степашина, М.С. Жука, и др.). Работа Д.В. Голенко расположена в этом общем русле осмысления фундаментальных классических проблем уголовного права с точки зрения современных вызовов и потребностей уголовно-правового регулирования.

Она посвящена исследованию концептуальных основ построения Особенной части российского уголовного права. Тема, которая уже была в центре внимания докторских исследований Р.Г. Асланяна, В.Н. Сизовой, А.А.

Илиджева, О.В. Ермаковой, не может считаться в полной мере исчерпанной. Ряд важных вопросов, связанных с разработкой, обоснованием и проверкой теоретических основ построения Особенной части российского уголовного закона, не решен. Нуждаются в дополнительном анализе методологические и прикладные проблемы построения Особенной части и ее отдельных структурных компонентов, закономерности, принципы и правила построения Особенной части уголовного закона, в том числе ее систематизации и структурирования, проблемы законодательной техники конструирования и систематизации предписаний Особенной части уголовного права и др.

Потребность в анализе этих и ряда других вопросов подтверждает актуальность избранной Д.В. Голенко темы исследования, определяет его объект и предмет, задает формулировку целей и задач. Соискатель, как представляется, вполне убедительно обосновал направления своего научного поиска, его предметно-содержательные границы, сосредоточив основное внимание на вопросах строения Особенной части закона как парного структурного компонента российского уголовного закона, включаясь в осмысление проблем взаимосвязи формы этого структурного компонента с его содержанием, и предлагая на этой основе собственную концепцию построения Особенной части российского уголовного закона.

Новизна диссертационного исследования определяется оригинальным подходом к организации исследования и результатами анализа целостного комплекса теоретических, нормативных и правоприменительных проблем, связанных с формированием и реализацией концепции построения Особенной части российского уголовного права.

Автор, следуя устоявшейся научной традиции, начинает свою работу с сравнительно-правового исследования проблем строения Особенной части уголовного законодательства.

Исходным пунктом исторического анализа служит убедительный тезис о том, что Особенная часть уголовного закона – это парный Общей части

компонент закона, который возникает одновременно с ней и не может появиться раньше или позже нее (с. 40). В связи с признанием Особенной части «законодательным творением», автор изучает ее с момента, когда эта часть закона сформирована и обозначена с точки зрения законодательной техники (с. 41). В работе (с. 42 и др.) предлагается оригинальная, хотя и небесспорная периодизация истории Особенной части российского уголовного закона. Делается правильный вывод о том, что концептуальные основы построения Особенной части уголовного закона предопределялись политическими и экономическими факторами своего времени (с. 151).

Компаративный анализ начинается с теоретических рассуждений о значимости и одновременно сложности классификации и типологии правовых семей и правовых систем (с. 158 – 174), что, тем не менее, не помешало автору выделить характерные, общие признаки Особенной части уголовного законодательства в странах общего, континентального, религиозного и социалистического права (с. 176 – 178); провести познавательную классификацию подходов к построению Особенной части уголовного закона в зарубежных странах по таким основаниям, как приоритет ценности охраняемых объектов, форма и источники воплощения Особенной части уголовного законодательства, ее структура и основания структуризации, лидирующий способ изложения законодательного материала (с. 179 – 180). Большое внимание в работе уделено эмпирическому анализу строения Особенной части французского (с. 190 – 198), германского (с. 198 – 209), казахского (с. 210 – 220), иранского (с. 221 – 228) и китайского (с. 228 – 235) уголовных законов.

Далее соискатель логично переходит к изучению теоретико-методологических и юридико-технических основ построения Особенной части уголовного закона.

Определяя методологические предпосылки построения Особенной части уголовного закона как систему фундаментальных теоретических взглядов и идей, через призму которых понимается сущность уголовного закона и его

Особенной части (с. 240), автор выделяет две, как он выражается, «плоскости» таких основ. Первая – метафизическая (философская) плоскость, или плоскость идей; вторая плоскость – техническая, или плоскость формы, где оценивается построение Особенной части уголовного закона с точки зрения законодательной техники. (с. 241). Переход от одной плоскости к другой и связь между ними обеспечивается юридическими конструкциями, прежде всего, составом преступления (с. 266 – 275) и санкциями (с. 275 – 277), которым автор уделяет специальное внимание.

Ценными видятся рассуждения о связи проблем строения Особенной части уголовного закона с типом правопонимания (с. 243 – 252) и вывод о возможности интеграции различных их типов для достижения цели построения Особенной части правового уголовного закона, пригодной для регулирования общественных отношений без ущемления прав и свобод человека, интересов государства и общества (с. 251). На этой основе автор включается в дискуссию о соотношении права и закона, нормы права и статьи закона, статьи закона и нормативного предписания (с. 257, 260, 261 – 264) и делает правильный вывод о том, что «если при создании статей Особенной части уголовного закона нет ориентира в виде права, его сущности и его ценности, то нет гарантии, что вместо права в законе не будет отражен произвол» (с. 265).

Отдельное внимание в работе уделено сложной проблеме взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона, которая исследуется с философской, социально-правовой и юридико-технической точек зрения (с. 283). Автор убедительно доказывает, что внутри уголовного закона нет иерархии его частей, что Общая и Особенная части уголовного закона не находятся в отношениях субординации (с. 301). Основой для правильного построения внутриотраслевых связей Общей и Особенной части уголовного закона в авторских рассуждениях служат принципы построения Особенной части уголовного закона (с. 288), правильное понимание предмета, метода и принципов Особенной части (с. 301 – 304). Значимость верного

соотношения Общей и Особенной части уголовного закона подтверждается суждениями соискателя о том, что при наличии концептуальных противоречий между ними уголовный закон утрачивает свою целостность, ясность и не может эффективно решать стоящие перед ним задачи (с. 317 – 318).

Обращаясь к исследованию межотраслевых связей Особенной части уголовного закона, автор делает правильный вывод о том, что их адекватность должна обеспечиваться за счет понимания оснований и принципов регулирования общественных отношений другими отраслями законодательства (с. 321). Большое внимание в работе уделено проблеме конструирования явных и неявных бланкетных диспозиций, которые служат юридико-техническим средством выражения межотраслевых связей (с. 326, 328 – 330, 336), способам их разрешения (с. 330). Справедливо обращается внимание на малоисследованную область связи бланкетности и санкций уголовного закона (с. 341).

Важные суждения соискатель обосновывает при исследовании вопроса техники построения Особенной части уголовного закона (с. 343 – 355). Автор делает убедительный вывод о том, что структурирование Особенной части уголовного закона может быть типизировано различным образом, называя среди возможных вариантов ее организации многоуровневый иерархический и линейный тип построения (с. 366). Отмечает сложности в определении родового, видового и непосредственного объектов преступлений (с. 372), отсутствие единства подходов к тому, какие из них необходимо обозначить в Особенной части уголовного закона (с. 373), анализирует ошибки и неточности, допущенные при расположении статей в разделах и главах уголовного закона (с. 374, 376), предлагает свои варианты их разрешения.

Центральная часть исследования – разработка авторской концепции стратегии развития Особенной части российского уголовного закона. В ее основе – результаты предпринятого соискателем анализа юридико-технических недостатков и ошибок в Особенной части уголовного закона,

которые классифицированы на проблемы внутриотраслевого и межотраслевого рассогласования Особенной части УК РФ (с. 419). Детально исследуя их, автор выделяет и последовательно разрешает проблемы техники построения статей Особенной части уголовного закона (размещение смежных составов преступлений в статьях Особенной части УК РФ (с. 454), отсутствие единообразия в применении пунктов статей (с. 457), отсутствие научного обоснования выбора конструктивных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов преступлений (с. 466), использование в Особенной части УК РФ конструкций составов с учтенной совокупностью преступлений (с. 468), дефекты языка Особенной части УК РФ (с. 476 – 482), ряд проблем построения санкций статей Особенной части УК РФ (с. 483 – 502).

Разрешение выявленных проблем определяет, согласно авторскому замыслу, перспективы развития Особенной части российского уголовного закона.

Соискатель верно отмечает, что происходящие в стране и мире перемены приведут к определенной новой точке стабильности и равновесия в международных, политических, социальных и экономических отношениях, а возможно и к переоценке охраняемых ценностей, что потребует пересмотра всего уголовного закона и его Особенной части (с. 512). При этом наиболее оптимальным решением в современных условиях соискателю представляется разработка новой редакции действующего уголовного закона при условии ограничения внесения в него (с. 514).

В основе работ по совершенствованию Особенной части уголовного закона должна лежать теоретическая концепция, консолидирующая научную мысль для дальнейшего обсуждения ключевых вопросов, касающихся идеи и формы этого структурного компонента кодекса (с. 520). К наиболее значимым и перспективным положениям такой концепции автор относит: идею полной кодификации Особенной части УК РФ, ее построение по объекту охраны, изменение приоритетов охраны и последовательности расположения

структурных элементов Особенной части, усложнение ее структуры за счет перехода к четырехкомпонентному строению, включающему разделы, главы, параграфы и статьи, разрешение проблем социально-криминологической обоснованности криминализации и пенализации запрещаемых уголовным законом деяний (с. 528, 531, 535 и др.)

В целом можно констатировать, что итоги авторского анализа создают оригинальную концепцию теоретического понимания системы и структуры Особенной части российского уголовного закона.

В работе:

- уточнен и конкретизирован понятийно-категориальный аппарат, необходимый для исследования Особенной части уголовного закона;
- дана оценка основных тенденций развития системы и структуры Особенной части отечественного уголовного законодательства;
- разработаны научные положения, раскрывающие; теоретико-методологические основания построения Особенной части уголовного закона, ее предмет, задачи, методы, факторы, предопределившие формирование и развитие, принципы и их влияние на содержание Особенной части уголовного закона;
- предложены аргументированные направления по совершенствованию инструментов законодательной техники, обеспечивающих форму адекватность содержания и целесообразность Особенной части уголовного закона;
- обобщен, проанализирован и оценен массив научной информации о состоянии и перспективах реформирования Особенной части российского уголовного закона.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность определены качеством и объемом источников первичной научной информации, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью представленных в диссертации суждений, согласием

теоретических выводов автора с эмпирическими данными документального, статистического и социологического анализа, базированием авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук, согласованностью новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Работа базируется на результатах проведенных лично автором исследований:

- историко-правового, сравнительно-правового и системно-структурного анализа текстов ранее действовавших и современных российских и зарубежных уголовно-правовых законов;

- критического типологического анализа отечественных и зарубежных, современных и сформулированных ранее доктринальных суждений по поводу назначения, структуры и системы Особенной части уголовного закона;

- документального анализа постановлений и определений Конституционного Суда РФ, документов Верховного Суда РФ, отражающих его официальную правовую позицию по вопросам применения уголовного закона; 576 решений судов общей юрисдикции различных субъектов РФ по конкретным уголовным делам;

- статистического анализа данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ о применении уголовного закона и деятельности судов общей юрисдикции;

- социологического анализа результатов анкетирования 285 практикующих юристов и научных работников.

Сбор, анализ и интерпретация результатов проведенных исследований обеспечены репрезентативной эмпирической базой, достаточной для формирования теоретических выводов, соблюдением методологических принципов и методических требований к проведению правовых исследований.

В основе диссертации – оправданный и многократно доказавший свою эффективность диалектический метод познания. Автор опирается на принципы

историзма, всесторонности, объективности, конкретности истины, связи теории и практики, что придает работе в целом и ее результатам необходимые свойства научной истины.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития юридической науки и практики определяется тем, что, образуя в своей совокупности логически цельное и открытое для последующего развития учение построения системы Особенной части уголовного закона, они существенным образом дополняют ряд сложившихся разделов уголовно-правовой науки, в частности учение о системе уголовного права, учение о составе преступления, учение о социальной и исторической обусловленности уголовного закона, учение об уголовно-правовой компаративистике.

Выводы и положения, могут быть использованы в деятельности законотворческих органов при совершенствовании нормативных основ регулирования уголовно-правовых отношений, в правоприменительной работе судов и правоохранительных органов.

Положительно оценивая результаты выполненного Д.В. Голенко исследования, и в целом разделяя его концепцию, не могу не отметить, что, как и любая самостоятельная творческая работа, **диссертация не лишена отдельных положений, вызывающих критическую оценку либо недостаточно аргументированных и побуждающих к дискуссии с автором.**

Пожалуй, самым первым и главным недостатком следует признать откровенно неявную научную новизну некоторых авторских суждений, позиционируемых в качестве основных результатов, вынесенных на публичную защиту.

Так в первом положении, выносимом на защиту, автор дает понятие концепции построения Особенной части уголовного закона. При этом концепция вполне прогнозируемо определяется через понятие «комплекс теоретических положений». Сомневаюсь, что такое определение, во-первых, является значимым результатом именно авторского исследования, а во-вторых,

что оно необходимо для построения собственно самой концепции Особенной части уголовного закона. Определение вполне можно отнести к разряду общеизвестных, а его презентация автором не обеспечивает приращения научного знания. Это же относится и ко второму положению, вынесенному на защиту. Определяя понятие Особенной части уголовного закона, соискатель, по сути, воспроизводит известные суждения о том, что она содержит статьи, расположенные в некоторой последовательности. В отличие от иных дефиниций, здесь лишь добавлено, что это «парный структурный компонент уголовного закона». Но едва ли это добавление может претендовать на статус нового научного знания. В системе положений, вынесенных на защиту, присутствуют и иные суждения, которые сложно назвать новыми, например, о том, что содержание особенной части уголовного закона обусловлено внешними факторами (положение 5), что оно несет на себе отпечаток социальной, культурной и исторической среды (положение 6), что особенная часть строится с учетом межотраслевого взаимодействия уголовного права (положение 8) и принципов права (положение 9) и др. Ознакомление с положениями, вынесенными на защиту, не создает ощущения знакомства именно с новыми и оригинальными научными результатами. Я не утверждаю при этом, что сама диссертация лишена научной новизны. Но «лицо» работы, ее основные положения сформулированы, как минимум, недостаточно рельефно, попросту – неудачно.

Далее – некоторые частные, предметные замечания.

В рамках историко-правового анализа автор предлагает оригинальную, но как кажется, теоретически неточную периодизацию истории Особенной части российского уголовного закона, утверждая о том, что этап кодифицированного законодательства начинается с 1922 года (с. 42 и др.). Свойство кодифицированности уголовного закона признается в данном случае критерием периодизации. Но, наверное, соискатель как-то по-особенному и, скорее всего, по-особенному неправильно понимает сам феномен кодификации

и слово «кодекс». Анализ текста показывает, что «кодекс» усматривается автором только в том случае, если закон содержал исключительно уголовно-правовые нормы и если он был единственным уголовным законом. Мысль автора понятна. Но она, как представляется, неверно обоснована. Отказывать Соборному Уложению в свойстве кодифицированности на том основании, что оно содержало нормы разных отраслей права, либо отказывать в этом свойстве Уложению о наказаниях уголовных и исправительных только на том основании, что наряду с ним в стране действовали иные уголовные законы, едва ли будет верным. Потому не кодифицированность закона должна лежать в основе периодизации, а какой-то иной критерий. Возможно, наличие единственного источника, в котором была бы выражена Особенная часть уголовного законодательства. Но в этом случае надо «вписать» в периодизацию то время, когда наряду с УК РСФСР действовали общесоюзные уголовные законы (например, Положения о государственных и воинских преступлениях). В любом случае здесь требуются дополнительные авторские комментарии.

Еще один повод для критики дает содержание третьего положения, вынесенного на защиту. Автор утверждает, что Особенная часть – есть «свод специальных положений, конкретизирующих общие положения», что ее основная цель – «отделение специального от общего». Во-первых, учитывая генезис структурного построения уголовного закона, надо указать, что не Особенная часть формировалась за счет обособления специальных положений, а как раз наоборот, Общая часть кодекса формировалась за счет вычленения и обособления общих положений уголовного права. И с этой точки зрения Особенная часть и ее формирование не могут восприниматься как обособление специальных предписаний. Во-вторых, нельзя согласиться с тем, что предлагаемое автором отделение специального от общего является основной (!) целью построения Особенной части уголовного закона. Цели у нее совершенно иные, и связаны они в социальном отношении с удовлетворением потребности в обеспечении безопасности и защиты тех или иных объектов, а в юридико-

техническом – в адекватном отражении признаков преступлений и их наказуемости.

С этим, вероятно, связано и такое частное суждение соискателя, согласно которому положения Общей части уголовного закона могут применяться самостоятельно, без отсылки к предписаниям Особенной части (с. 306, 308). В качестве примеров в работе приводится разрешение ситуаций, связанных с малозначительностью, необходимой обороной. Однако это суждение сомнительно, т.к. предписания Общей части применяются только применительно к конкретной ситуации, подпадающей хотя бы формально под признаки состава преступления, указанного в Особенной части УК РФ. Нет малозначительного деяния вообще, есть конкретное малозначительное деяние, нет обороны вообще, есть конкретное, формально подпадающее под признаки статьи Особенной части, причинение вреда в состоянии защиты.

Представляется, что вопрос о соотношении и как следствие о применении предписаний Общей и Особенной частей уголовного закона требует в этой связи дополнительных авторских комментариев.

Еще одно замечание связано с некоторой противоречивостью авторских суждений относительно закономерностей и перспектив развития уголовного закона. С одной стороны, в работе констатируется интересное наблюдение о 30 – 35-летнем цикле жизни уголовного закона в России, который по истечении этого времени перестает удовлетворять потребностям общества (с. 512 – 513), а с другой стороны, утверждается, что по истечении почти 30 лет с момента принятия действующего УК РФ в России нет явных социальных, экономических, политико-правовых предпосылок для принятия уголовного кодекса и требуется лишь его редактирование. Между тем, современные политические и уголовно-политические реалии таковы, что вопрос о создании именно нового уголовного закона не является тривиальным и требует специального обсуждения. Здесь как раз бы и пригодились рассуждения соискателя относительно связи Особенной части уголовного закона с

определенными уголовно-политическими идеями. Однако, к сожалению, в работе не представлены убедительные рассуждения относительно того, удовлетворяют ли идеи, заложенные в кодекс при моменте его разработки, современным потребностям и характеристикам общества, возможно ли и необходимо ли пересмотреть эти концептуальные идеи.

Высказанные замечания, тем не менее, не влияют на высокую оценку диссертационного исследования, выполненного Д.В. Голенко. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация Голенко Дианы Викторовны написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку; работа не содержит некорректных заимствований, автор всегда ссылается на источник используемой информации (п. 10, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

2. Научные труды Голенко Дианы Викторовны в полной мере отражают основные положения ее диссертации, публикации включают в себя двадцать шесть статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки для опубликования основных положений докторской диссертации (п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

3. Диссертация Голенко Дианы Викторовны представляет собой научно-квалификационную работу, в которой аргументирована целостная концепция построения Особенной части российского уголовного закона, подчиненная цели повышения правовой определенности и предсказуемости применения уголовного закона, то есть решена научная проблема, имеющая важное

политико-правовое значение; диссертация соответствует критериям, установленным ч. 1 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

3. Автор диссертации – Голенко Диана Викторовна – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук (специальность защищенной диссертации: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), профессор

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

« 05 » сентября 2024 года

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9

тел: 8 (499) 244-88-88 доб. 835, e-mail: lab.kugp@msal.ru

ВЕРНО

Начальник Отдела
Управления кадров М. Н. Шалберкина

« 06 09 » 2024 г.

Шалберкина

